

Ольга Шаффранова

Святитель Игнатий Брянчанинов и благословенная Оптина Пустынь

Святитель Игнатий, в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов, еще в раннем детстве полюбил проводить время в уединении, в ближайшем соприкосновении с природой, «внушавшей ему высокие стремления, какими бывает полна жизнь пустынная». Его религиозное настроение замечали даже посторонние люди. Много позже, в 1839 г., уже будучи архимандритом Троице-Сергиевой Пустыни, он вспоминал в письме к старинному другу своего отца, в то время архиепископу Херсонскому и Таврическому Гавриилу¹: «Из детей я старший, Дмитрий, который пользовался особенным Вашим расположением, о котором Вы говорили Александру Семеновичу: уступите его в монашество!»

Прошли годы. В конце лета 1822 г., когда Дмитрию Александровичу пошел шестнадцатый год, отец привез его в Санкт-Петербург для определения в Главное инженерное училище, куда он и поступил, пройдя первым по конкурсу. «Вступил я в военную службу и вместе ученую службу не по своему избранию и желанию. Тогда я не смел, — не умел желать ничего. Протекли почти два года в занятиях земных: родилась и уже возросла в душе моей какая-то страшная пустота, явился голод, явилась тоска невыносимая по Боге. Я начал оплакивать то нерадение мое, оплакивать то забвение, которому я

¹ Преосвященный Гавриил, Архиепископ Херсонский и Таврический в 1837–1848 гг. (в миру Василий Федорович Розанов; 1781–1858) в начале своей духовной карьеры служил в Вологде, в 1814–1819 гг. был ректором Вологодской семинарии и настоятелем Спасо-Каменского монастыря.

предал веру, оплакивать сладостную тишину, которую я потерял, оплакивать ту пустоту, которую я приобрел»¹.

Не найдя сочувствия и понимания своего состояния у законоучителя и духовника училища, Дмитрий Александрович вместе со своим другом, Михаилом Васильевичем Чихачевым, обратились к инокам Валаамского подворья. Те, видя в них искреннее стремление к Богу, приняли их с любовью, но, не умея вполне удовлетворить их духовные потребности, посоветовали обратиться к инокам Александро-Невской Лавры. Там в это время подвизались некоторые ученики опытных в духовной жизни старцев — отца Феодора и отца Леонида. Молодые люди стали ходить к этим инокам, и особенно тесная дружба у них завязалась со свечником Лавры, отцом Иоанникием, родным племянником отца Феодора, и лаврским духовником, отцом Афанасием. А в 1826 г. в Петербург прибыл по своим делам сам старец отец Леонид и тоже остановился в Александро-Невской Лавре. В келье отца Иоанникия состоялась встреча отца Леонида и Дмитрия Александровича, которая оказала решающее влияние на всю последующую жизнь юноши.

* * *

Старец Леонид (в миру Лев Данилович Наголкин, в схиме Лев)² родился в 1768 г. в городе Карабчеве Орловской губернии. В 1798 г. он оставил мир и поступил первоначально в Оптину Пустынь, а через два года перешел в Белобережскую пустынь Орловской губернии. В 1801 г. он был пострижен с именем Леонид и в 1804 г. определен настоятелем этой обители. Большую роль в формировании его как монаха сыграл переселившийся в 1805 г. в Белобережскую пустынь ученик великого старца Паисия Величковского схимонах Феодор.

Отец Феодор³ был на двенадцать лет старше отца Леонида и тоже родом из Карабчева. В молодости ему пришлось пережить многие искушения, от которых он бежал наконец в Молдавию, в Нямецкий монастырь к знаменитому старцу, архи-

¹ Свт. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты // Полн. собр. творений святителя Игнатия Брянчанинова: В [7 т.]. М., Паломникъ. 2001 — (Изд. продолжается). Т. 1. С. 515. (Далее в разделе «Приложение» — Настоящее издание). || ² Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида, в схиме Льва. Одесса, 1890. || ³ Жизнь и подвиги Схимонаха Феодора. М., 1839.

мандриту Паисию. Он прожил в молдавских монастырях около 20 лет, из которых пять лет — в дикой пустыне при потоке Поляна-Ворона с двумя старцами: отшельником Онуфрием, «украшенным сединами лет и сединами мудрости Божественной», и другом его, иеромонахом Николаем. Пройдя все виды тяжелого послушания, Феодор, после смерти отца Онуфрия, вернулся в монастырь и занимался переписыванием книг святых Отцов, переводимых старцем Паисием с греческого на славянский язык, пел и читал на клиросе. Под руководством великого учителя он вполне усвоил образ иноческой жизни, в особенности так называемое старчество, восстановленное в молдавских монастырях Паисием.

Вернувшись после кончины учителя на родину, отец Феодор, по благословению Преосвященного Досифея, управлявшего в то время орловской паствою, поселился в Чолинском монастыре. Здесь он познакомился с навестившим Чолинский монастырь отцом Леонидом и, когда обстоятельства заставили его искать новое место для своего пребывания, перешел к нему в Белобережную обитель. Смиренномудрый старец с любовью был принят отцом Леонидом. Отношения между ним и отцом Феодором, вначале складывавшиеся как отношения послушного ученика и учителя, в ближайшие годы переросли в дружбу во Христе и таковыми сохранились до последних дней отца Феодора.

Спустя некоторое время в Белобережную обитель занесена была горячка, и ею заразились многие иноки. Отец Феодор, ухаживая за больными, заразился сам и находился уже при смерти, но чудесным образом выздоровел. «После сладостных ощущений даров Духа Божия он возжаждал еще более уединенной и безмолвной жизни». Братия монастыря устроила ему келью в глухи леса, где он поселился вместе с добродетельнейшим иеросхимонахом Клеопой. Вскоре к ним присоединился и отец Леонид, сложивший с себя достоинство настоятеля монастыря. Недолго, однако, им пришлось пользоваться вожделенным уединением. «Провидение открыло людям великие подвиги пустыннолюбивого Феодора», и к дверям его кельи стали стекаться тысячи посетителей.

«Безмолвные пустынники, утомленные молвой, столь приятной для самолюбия и столь тягостной для смиренномудрия», решили переселиться подальше, «в отдаленные пределы северные Царства Российского». Отец Феодор первым оста-

вил Белые берега. Он побывал в нескольких монастырях, но не встретил там благожелательного приема. Причина была в том, что, глубоко проникнутый духом подвижничества, привитым ему в Нямецком монастыре, он был чрезвычайно строг к себе, но также и к братии монастырей. Те же, не привыкшие к столь великим лишениям, всячески старались избавиться от старца. Наконец, митрополит Новгородский Амвросий определил отцу Феодору для жительства Палеостровский монастырь, находящийся на одном из островов Онежского озера. Но и здесь старцу пришлось перенести великое испытание: «Зависть и клевета два года сплетали венцы терпения для мужественного подвижника».

Измученный борьбой престарелый Феодор вновь принужден был искать убежище и в 1812 г. переместился в скит, принадлежащий Валаамскому монастырю, куда к тому времени уже переселились приверженцы его, Клеопа и Леонид. «В пустынной тишине и молитвенных подвигах текли дни старцев-подвижников». В 1816 г. окончил здесь свою благочестивую жизнь старец Клеопа. Но снова «враг начал вооружать против старцев некоторых из старшей братии монастыря», а большое число паломников, прибывающих для общения с ними, вызывало неудовольствие валаамского настоятеля.

Во избежание искушений старцам пришлось в 1817 г. перебраться в Александро-Свирский монастырь. Здесь наконец смиренный Феодор смог обрести покой. С уважением и любовью относились к нему и к отцу Леониду настоятель монастыря архимандрит Макарий, а также пребывавший там на покое митрополит Имеретинский Евфимий. «О! Велик Феодор, великий Феодор!» — нередко восклицал сей Святитель после бесед со старцем.

Воистину велик был схимонах Феодор: его нестяжательность и самовольная нищета достигали крайних размеров. «Вынужденный обстоятельствами переходить из одной обители в другую, не брал он с собой никаких вещей, ни даже лишней одежды. Одно неоцененное сокровище составляла для него книга преп. Исаака Сирина в переводе старца Паисия с собственноручною его подписью, которую Феодор всегда брал с собой».

7 апреля 1822 г. окончилась многотрудная земная жизнь смиренного старца. Отец Леонид тяжело переносил утрату друга и учителя. Он снова хотел перейти в более уединенное место, но его удерживали в Свирском монастыре еще нескольз-

ко лет. Возможно, что в связи с этими обстоятельствами он и приезжал в Петербург, где у него состоялась встреча с Дмитрием Александровичем Брянчаниновым.

* * *

Исполненная мудрости и монашеского опыта беседа с отцом Леонидом произвела необыкновенное впечатление на Дмитрия Александровича. «Сердце вырвал у меня отец Леонид, — говорил он об этом Чихачеву, — теперь решено дело: иду проситься в отставку от службы и последую старцу, предамся ему всей душой и буду искать единственно спасения души в уединении». Однако осуществить свое намерение он смог только через год. 6 ноября 1827 г. он получил отставку и сразу же отправился в Александро-Свирский монастырь к отцу Леониду.

Много лет спустя архимандрит Игнатий Брянчанинов писал об отце Леониде: «Он имел ко мне особеннейшее расположение и любовь, следствие коих постоянно в себе ощущаю». Однако послушничество Дмитрия Александровича у отца Леонида было очень нелегким. Отец Леонид, желая победить в ученике высокомуние, гордость и самомнение, обыкновенно присущие всякому благородному и образованному человеку, попавшему в среду простолюдинов, часто налагал на него самые тяжелые и неприятные послушания, как нелицемерный наставник, в духе истинного монашества, по примерам святых Отцов. «...Он постоянно подвергал своего ученика испытаниям, и такие опыты смирения не могли не нравиться благородному послушнику, с искреннею любовью к Богу предавшемуся иноческим подвигам»¹.

Встречая в Дмитрии Александровиче искреннее смирение и беспрекословное послушание, отец Леонид старался воспитывать его не только телесными подвигами, но и словом и делом. Он приблизил его к себе, сделал его своим юлейником. Находясь при отце Леониде, Дмитрий Александрович имел возможность наблюдать, как старец проводит жизнь свою: в молитве, с постоянным сокрушением о своей греховности, с состраданием к людям. Он мог видеть, с каким терпением и любовью старец относился к обращавшимся к нему за советом, как старался помочь страдающим душевными недугами. Уро-

¹ Настоящее издание. Т. 1. С. 28.

ки эти хотя и продолжались недолго, но запечатлелись на всю его жизнь.

Весною 1828 г. отцу Леониду представилась наконец возможность переместиться из Свирского монастыря, и сначала он вместе с учениками перешел в Площанскую пустынь. Привлекло его туда желание сожительствовать с тамошним иеромонахом Макарием (Ивановым), также несколько лет состоявшим под духовным руководством одного из учеников Паисия Величковского и потому особенно ему духовно близким. Однако те же обстоятельства, что случились с ним и отцом Феодором на Валааме, вынудили отца Леонида через полгода оставить Площанскую пустынь и уйти в скит Оптийской Пустыни. В летописи скита, составленной предположительно иеромонахом Макарием (Ивановым), об этом событии записано:

«1829 года в апреле месяце преселился на жительство в скиту, из Свирского монастыря знаменитый старец иеросхимонах Леонид (Лев — это имя принято им в схиме, в которую пострижен был тайно, а посему оно не всем было известно), побыв прежде с полгода в Площанской пустыни; а с ним пришли и ученики его 7 человек, а именно: монах Макарий (Грузинов) из петербургских купцов; послушники: Диомид Кондратьев из вольноотпущенников, Александр Михайлов Сапожников из солигалических посадских, Георгий Васильев из московских купеческих детей, Иван Николаев из московских мещан, Павел Петров Тамбовцев, белогородский купеческий сын. В этом же году два иные, офицеры, ученики же о. Леонида Дмитрий Александрович Брянчанинов и Михаил Васильевич Чихачев пожили в скиту несколько времени и отправились в Вологодскую епархию»¹.

Расстаться с отцом Леонидом Дмитрием Александровичем и Михаилом Васильевичем заставили два обстоятельства: настоятель и братия Оптийской Пустыни отнеслись с недоверием к молодым дворянам, а условия жизни были таковы, что оба они один за другим тяжело заболели. Им пришлось уйти из монастыря и для поправки здоровья провести некоторое время у родителей Дмитрия Александровича в селе Покровском Вологодской губернии.

С этого времени пути старца и его ученика разошлись, но как позже архимандрит Игнатий писал: «Отклоняясь телесно, я не отклонился в противное мудрование...»

¹ Российская Государственная библиотека (РГБ), Отдел рукописей (ОР). Ф. 214. К. 359.

* * *

Отец Леонид до конца своих дней оставался в Оптиной Пустыни. Там он, по желанию настоятеля отца Моисея, ввел образ монашеской жизни, который ему преподал отец Феодор и который называется старчество. «Старчество предполагает искреннее духовное отношение духовных детей к своему духовному отцу, чистосердечную исповедь пред ним своих помыслов, полное отсечение своей воли, когда и шагу нельзя ступить без ведома или разрешения старца».

Введение старчества в Оптиной Пустыни поменяло весь внутренний строй монастырской жизни. Без совета и благословения старца ничего важного не делалось в обители. Братья монастыря ежедневно, особенно по вечерам собирались в келье старца со всеми своими душевными потребностями. «Всему этому, — писал много лет спустя архимандрит Игнатьй, — и к состоянию Скита до прибытия о. Леонида, и к состоянию его по прибытии Старца, я был очевидцем. Старец распростер благотворное влияние на самый Монастырь, поддерживал братию в расположении к настоятелю, укрепляя их в душевых бранях. Такое обилие окормления удвоило число братства в самом Монастыре и потому возвысило в нем порядок и привлекло в оный значительные пожертвования, при помощи которых Монастырь отстроился и, сверх того, обеспечил свое содержание».

Поменялся и образ монашеской жизни самого отца Леонида. Он теперь искал спасения не в уединенном сосредоточенном безмолвии, а в оказании помощи страждущим, которых все больше стекалось к дверям его кельи ради его пастырских советов.

Общественное положение приходящих не имело никакого значения для отца Леонида. Он всем равно доставлял свободный доступ к себе, и никто не выходил от него, не быв утешен им духовно. «Отец Леонид для всех, относившихся к нему за духовными советами и наставлениями, был живою книгою. Учил делом, что более всего действует на наше сердце и нас убеждает; учил и словом, как понимать евангельское учение, как приводить его в исполнение и как врачевать им наши души. Стяжив от божественного просвещения духовный разум, отец Леонид ясно распознавал дух истинный и дух лестчий, действие благодати Божией и прелесть вражью, хотя бы тонкую и сокровенную... верно мог судить о душевном устройении других».

Однако не все в Оптийной Пустыни были довольны такими нововведениями. «Старичкам» они казались ересью, и снова начались гонения на старца, жалобы начальству и разные извёты. Жаловались также на многолюдные стечения, нарушающие скитское безмолвие.

«Много действовал, — говорит летописец, — против начальников, о. Моисея и о. Антония, живущий в ските Схимонах Вассиан, употребив во зло доверенность к себе Архиастыря, облекшего его в Ангельский образ... Он завидовал, что имели почтение к о. Леониду как начальник и брат, так и многие светские люди, и что ему не отдавали такого почету за мнимо святую жизнь...

В течение предыдущего [1835], а паче сего лета умножилось стечние народа к отцу Леониду из разных городов и поселений разного звания: дворян, купцов, мещан и простонародья обоего пола, — и всякий был принимаем от него с сердобольным отеческим расположением, изливали пред ним душевые свои скорби и раны, получали чрез него утешение и исцеление, а многие и телесными болезнями одержимые... получали облегчение чтением от него молитв и помазанием елея, и почти никто не отходил от него, не быв утешен им духовно или телесно, чрез что и обитель Оптина видимо процветала [как увеличением дохода, так и братства], и о. Строитель Моисей, будучи уверен в его к обители и к нему расположении и зная искусство его в духовной жизни, приходивших для жительства в обитель поручал его духовному окормлению, хотя и сам имел дар сей, но не имел времени, занимаясь по обители служебным управлением, хозяйством, постройкой и другими делами, сопряженными с его настоятельской должностью.

Но зависть не могла смотреть на сии действия спокойными глазами. Сх~~имонах~~ Вассиан, [подвигаемый] ревностью и завистью за хождение к о. Леониду народа, а паче женского пола, писал неоднократно к Преосвященному Николаю, Епископу Калужскому свои доношения... и разжигал молву. Преосвященный, желая утолить молву, а может быть и опасаясь, чтобы не дошло до высших властей и не было бы ему взыскания, приказал перевести о. Леонида в монастырь и запретить к нему вход светским людям, паче же женскому полу.

Великодушно перенес старец сие потрясение»¹.

¹ РГБ ОР. Ф. 214. К. 359.

Однако гонения «неизбежный удел почти всех истинных рабов Божиих», не прекращались и следовали за отцом Леонидом до самой его кончины. Так что в разрешении последнего испытания пришлось принять активное участие бывшему его смиренному ученику.

* * *

Между тем Дмитрий Александрович Брянчанинов, испытав свои силы в борьбе со стихиями мирской жизни и одержав в ней свои первые победы, 28 июня 1831 г. был пострижен с именем Игнатия Преосвященным Стефаном, епископом Вологодским, в малую схиму.

«Свершилось! — сообщал он своему другу. — Я пострижен и посвящен в иеромонаха. Когда меня постригли, казалось мне, что я умер, когда посвятили — казалось, воскрес. Живу какою-то новою жизнию; весьма спокоен; не тревожит меня никакое желание; во время каждой обедни ощущаю, что достиг конца желаний, ощущаю, что получил более, нежели сколько бы мог пожелать.

Не хочу описывать Вам наружных обстоятельств, сопровождавших мое пострижение и посвящение; предполагаю, другие расскажут. Сказываю вам о себе то, чего другие о мне знать и сказать не могут: я щастлив!

Преосвященный не открывает ясно своих намерений относительно меня. Но я спокоен: полагаюсь на волю и милосердие Создателя моего и Бога».

6 января 1832 г. иеромонах Игнатий Брянчанинов был назначен строителем Пельшемского Лопотова монастыря в Кадниковском уезде Вологодской губернии. «Приехав в монастырь, — писал он ему же, — нашел все в большом расстройстве; похоронил покойного Строителя моего предшественника, приложив для сей церемонии несколько из своего кошелька: ибо в Монастыре наличной суммы было 1 рубль 33 коп. Начал помаленьку сбираться с силами и строить келлии и трапезу: ибо сии постройки состояли почти из одних развалин. Теперь живу в маленьком флигельчике, мною выстроенным; когда перешел в оный, то почувствовал ощутительное облегчение в здоровье. Пособралось несколько и братии, — в числе коих и Михайло Васильевич прилетел. Живет он в одном со мною флигеле, — ибо в оном имеется седмь келлий. Есть слухи, будто меня хотят переводить куда-то».

28 мая 1833 г. он был возведен в сан игумена. «Хлопочу около своего монастырка и помаленьку стараюсь приводить оный в хорошее состояние...».

Но уже в ноябре этого года он был вызван в Петербург. Здесь, по воле Государя Николая Павловича, он был назначен настоятелем Троице-Сергиевой Пустыни под Петербургом с одновременным возведением в сан архимандрита. И 5 января 1834 г. архимандрит Игнатий Брянчанинов приехал в обитель, которой должен был в дальнейшем посвятить почти 24 года своей жизни.

Неожиданным и нерадостным был для отца Игнатия перевод в Сергиеву пустынь. «Непостижимыми судьбами Промысла я помещен в ту обитель, соседнюю северной столицы, которую, когда жил в столице, не хотел даже видеть, считая ее по всему несоответствующею моим целям духовным¹. В самом деле, Сергиева пустынь, основанная в 1734 г. и пережившая в середине XVIII в. свой расцвет, когда предполагалось, что она станет для северной столицы то же, что Троице-Сергиева Лавра для Москвы, в последующие годы по ряду причин начала приходить в упадок и к концу столетия своего существования являла самый жалкий вид.

Внешнее убожество сочеталось в ней с распущенностью внутренней жизни, упадком нравственности среди братии. Можно себе представить, какое впечатление это производило на ученика старца Леонида, искавшего «единственно спасения души в уединении». Весь уклад жизни, к которому он стремился и приучался, должен был здесь измениться. Смиренный инок должен был превратиться в энергичного исполнителя монаршей воли по возрождению монастыря не только как духовного заведения, но и как представительного учреждения, находящегося на пути из столицы в загородные царские резиденции.

Назначая его сюда, Государь сказал: «Ты у меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал, и за мою любовь к тебе. Ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, избрал по своему произволу путь, — на нем ты и уплати мне долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтоб ты жил в ней и сделал бы из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей»².

¹ Настоящее издание. Т. 1. С. 526. || ² Там же. С. 40.

С сознанием долга и с присущей ему добросовестностью архимандрит Игнатий принялся за дело. Нужно было все восстанавливать, вводить вновь, нужны были огромные материальные средства, которых в обители не было. Но зато, вспоминает один из его учеников, «новый настоятель был богат духовными: умом, волей, энергией», а также знаниями, полученными в Инженерном училище, и хозяйственной опытностью, унаследованной от родителя. Он и начал с главного — с восстановления дисциплины среди братии и устроения чинного богослужения. Его усилия в этом направлении были сразу же замечены: число богомольцев, притекающих в обитель, непрерывно увеличивалось, а следовательно, увеличивались и материальные средства. Это позволило уже в ближайшее время приступить к возобновлению обветшавших зданий и восстановлению хозяйства. Работы велись так интенсивно, что Государь Император, посетивший Пустынь 18 августа 1834 г., остался ими очень доволен и повелел выдать из государственной казны 96 808 рублей (по смете) на возобновление главного — Троицкого собора. Примеру Государя последовали другие благотворители, на пожертвования которых в последующие годы было возведено несколько зданий, ставших украшением монастыря.

Круг деятельности архимандрита Игнатия расширился еще назначением его 22 июня 1838 г. благочинным всех монастырей Санкт-Петербургской епархии. Казалось бы, успехи его монастырской деятельности и это новое назначение, делавшее его весьма влиятельным лицом в Епархии, внимание к нему Государя Николая Павловича и членов его семьи — все ему благоприятствовало, ничто не могло омрачать его пребывания в Сергиевой пустыни. Однако с ним повторялась та же история, что и с его учителем. Скорби и гонения были постоянным уделом архимандрита Игнатия. В Сергиевой пустыни он был у всех на виду, и серость, как это обычно бывает, не могла простить ему его строгого аскетической жизни, его таланта, образованности, даже благоволения к нему Государя.

«Здесь поднялись и зашипели зависть, злоречие, клевета; здесь я подвергся тяжким, продолжительным, унизительным наказаниям, без суда, без малейшего исследования...»¹. К тому же климат петербургский оказывал пагубное влияние на его

¹ Настоящее издание. Т. 1. С. 527.

здоровье. Неоднократно, когда не было уже сил бороться ни с обстоятельствами, ни с усилившейся болезнью, архимандрит Игнатий предпринимал попытки «удалиться от Петербурга и от шумных должностей навсегда». Но «не сбывалось» по его желанию и предположению.

Вероятно, некоторым утешением в его положении был тот факт, что он мог использовать свое влияние для оказания помощи нуждающимся в ней. Так, не прерывая письменных сношений со своим духовным учителем отцом Леонидом, он по просьбе старца принимал участие в некоторых делах Оптино Пустыни. В 1837 г. он занимался делом о нарезке земли для обители; в 1839 г. хлопотал о напечатании жития Георгия Затворника Задонского, подготовленного к изданию рясофорным монахом Оптиной Пустыни отцом Петром (Григоровым)¹.

Самое живое участие он принял в разрешении последнего предсмертного испытания старца Леонида. Дело заключалось в следующем. Среди духовных детей отца Леонида находились старица, мать Анфия, и близкие ей сестры Белевской обители. Их деятельная духовная жизнь под руководством старца отца Леонида вызвала зависть у нерадивых сестер, которые обвинили их в ереси. «Дело дошло до того, что мать Анфию изгнали из монастыря, а на отца Леонида начали распространять разные хулы», даже стали говорить о нем как о самовольном нарушителе монашеских правил и упорном ослушнике начальства.

Видя, что старцу угрожает ссылка, его ближайший сподвижник отец Макарий, перешедший из Площанской обители в Оптину в 1834 г., отец Иоанникий, который также перешел из Александро-Невской Лавры в Оптину, и другие ученики стали уговаривать отца Леонида написать об этом архимандриту Игнатию Брянчанинову. Так как старец не соглашался, то отец Макарий вместе с отцом Иоанникием сами написали письмо от его имени. В ответном письме архимандрит Игнатий, выразив большое беспокойство, пообещал немедленно предпринять необходимые меры.

¹ Петр Александрович Григоров (в монашестве Порфирий) из гвардейских офицеров; при поступлении в монастырь был келейником Задонского затворника Георгия (в миру Георгия Алексеевича Машурина; 1789–1836), опубликовал его письма и составил «Житие Георгия, затворника Задонского». Скончался в Оптиной Пустыни в 1851 г. Письма его и святителя Игнатия см. ниже.

Тогда отец Леонид решился наконец сам изложить суть дела: «В писании вашем к собрату нашему о. Иоанникую, от 2-го числа Генваря писанном, не забыли и моей худости вспомянуть. Благодарю вас за принятие участия в моем положении, о котором описывал вам о. Иоанникий: впрочем, заметно из письма вашего, что он не так вам выразил наши происшествия...», далее он подробно рассказывает о сложившихся обстоятельствах (см. ниже его письмо от 11 февраля 1841 г.).

Оптинские хроники рассказывают, что архимандрит Игнатьй на следующее же утро по получении письма, написанного отцом Макарием и отцом Иоанниием, отправился к Московскому Митрополиту Филарету. Выслушав о деле, великий Святитель написал Калужскому епископу: «Ересь предполагать в отце Леониде нет причины», — и старца остали в покое. Через некоторое время, 4 октября 1841 г., и мать Анфия была возвращена в монастырь. А 11 октября скончался отец Леонид, успокоенный вестью о прекращении гонений на его духовных дочерей.

Иеросхимонах Лев (старец Леонид) в 1996 г. был прославлен Русской Православной Церковью.

«Угодно было Господу призвать от здешних болезней и скорбей к вечному упокоению любезного нашего Батюшку о. Леонида сего Октября 11-го числа в 7 часов и 20 минут по полуночи. Он скончался, к немалому прискорбию нас, любящих Его и пользующихся спасительными Его наставлениями и любовию, но мы не смеем роптать на Милосердого Творца, положившего предел жизни каждому из нас... Зная ваше к нему расположение и любовь, равно и Его к вам таковые ж, считаем себя обязанными известить вас о кончине Его. Вы, конечно, пожалеете о старце и о нас, оставшихся в сиротстве; и не оставите поминать его при Бескровной Жертве и ваших молитвах, о чем и осмеливаемся всеусерднейше вас просить, а равно и о неоставлении нас вашею отеческою любовию и покровительством», — писал отец Макарий архимандриту Игнatiю.

«Душа моя исполнилась печали, — отвечал архимандрит Игнатьй, — и как не вспомянуть о нем — каждый раз обильная печаль изливается в мое сердце. Точно как вы пишете, он имел ко мне особеннейшее расположение и любовь, следствие коих постоянно в себе ощущаю: отклонясь телесно, я не отклонился в противное мудрование, но многие его изречения остались у меня в памяти, и доселе меня руководствуют, — особенно прозиесенные в Свирском монастыре».

* * *

Кончина старца Леонида явилась невольной причиной сближения архимандрита Игнатия и отца Макария, свидетельством которого осталась их деятельная переписка.

Отец Макарий (в миру Михаил Николаевич Иванов)¹ родился 20 ноября 1788 г. в сельце Железняки, в окрестностях Калуги. В 1810 г. он поехал на богомолье в Богородицкую Площансскую пустынь и домой уже не вернулся. 24 декабря 1810 г. он был пострижен и наречен Мельхиседеком; 7 марта 1815 г. пострижен в мантию и наречен Макарием.

В том же 1815 г. в Площансскую обитель поступил ученик Паисия Величковского схимонах Афанасий. Пребывая в Немецком монастыре, отец Афанасий, как и отец Феодор, занимался переписыванием Отеческих и церковно-учительских книг и имел у себя верные списки многих письменных трудов старца Паисия. Отец Макарий вошел в духовное общение с отцом Афанасием, почтит и любил старца как своего отца и наставника. По благословению старца он «принялся утолять свою духовную алчбу» чтением и переписыванием рукописей, специально выучившись для этого уставному письму.

В 1825 г. отец Афанасий умер. Отец Макарий, потеряв старца, скорбел о своем духовном сиротстве и посчитал прибытие в 1828 г. в Площансскую обитель иеросхимонаха отца Леонида за утешение, посланное ему Промыслом Божиим. Отец Леонид также был рад встретить здесь иеромонаха Макария, который, как и он, был напитан чтением святых Отцов и наследовал учение Паисия Величковского. По отбытии отца Леонида в Оптину отец Макарий продолжал с ним духовное общение посредством переписки, а в 1833 г. начал хлопотать о своем перемещении туда же. Примерно через год это его желание осуществилось, и 5 февраля 1834 г. он прибыл в оптинский Скит.

Здесь вначале он помогал отцу Леониду в переписке с его учениками и духовными детьми; с октября 1836 г. был определен духовником обители; с 1 декабря 1839 г. был назначен скитоначальником (пробыл в этой должности до 1853 г.). Однако, несмотря на эти назначения, он до самой кончины отца Леонида продолжал относиться к нему как смиренный послушник к своему наставнику и учителю и ничего не пред-

¹ Сказание о жизни и подвигах Иеромонаха Макария в книге Л. Кавелина «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни». СПб., 1862.

принимал без благословения старца. А отец Леонид хотя и считал его более своим сподвижником и духовным другом, но по его смирению продолжал обращаться с ним как с возлюбленным учеником.

Свою любовь и уважение к отцу Макарию старец Леонид выражал в том, что приблизил его к себе, сделал своим помощником, разделявшим с ним труды по духовному окормлению братии и посетителей. Преосвященный Игнатий Брянчанинов их труды в этом направлении считал лучшим примером успешного врачевания душ в монастырях: «В Калужской губернии, близ города Козельска, — писал он в «Аскетических опытах», — находится общежительная Оптинская Пустынь. Туда в 1829 году прибыл на жительство известный по знанию деятельности монашеской жизни иеросхимонах Леонид; впоследствии присоединился к нему ближайший ученик его, иеросхимонах Макарий. Оба старца были напитаны чтением Отеческих писаний о монашеской жизни, сами руководствовались этими писаниями, руководствовали ими и других, обращавшихся к ним за назидательным советом. Такой род жительства и поведения они заимствовали от своих наставников; он начался с первых иноков, достиг по преемству до нашего времени, составляет драгоценное наследство и достояние монахов, достойных своего имени и назначения. Братство Оптиной Пустыни начало немедленно умножаться в значительном размере и совершенствоваться в нравственном отношении... С состраданием смотрели они на страждущее человечество; облегчали пред ним значение греха, объясняли значение Искупителя, и из значения Искупителя объясняли необходимость для христианина в оставлении греховной жизни; были снисходительны к немощи человеческой, и вместе сильно врачивали эту немощь! <...> Память их была богато украшена мыслями святыми. Никогда не давали они советов из себя: всегда представляли в совет изречение или Писания, или Отцов. Это давало советам их силу: те, которые хотели бы возразить на слово человеческое, с благоговением выслушивали Слово Божие и находили справедливым покорить ему свое умствование. Такой образ действия содержит в величайшем смирении преподающего совет, как это явствует из «Предания» преподобного Нила: преподающий преподает не свое, — Божие»¹.

¹ Настоящее издание. Т. 1. С. 448–449; 454.

По кончине отца Леонида все его духовные дети, естественно, перешли к отцу Макарию, и число желавших пользоваться его советами из года в год возрастало. Тысячи людей приезжали, тысячи присыпали письма. Смиренный старец скорбел из-за народного множества и лишения вожделенного уединения: «Скажу тебе брате великую скорбь сердца моего, — писал он духовному другу отцу Алипию, — от многих благорасположенных к моей худости получаю письма в весьма не малом количестве, кои все требуют ответа, а я так нахожусь не исправен в сем, что многим разве на 2, на 3, а иногда и на 4 одним отвечаю; а между тем, глядя на них, сокрушаюсь сердцем, что чрез молчание мое остаются оскорблеными, но я ни времени, ни сил не имею столько, чтоб мог исполнить их желания, всякое свободное время от занятий посвящаю на писание, а уж чтением напитать гладную мою душу совсем не имею времени; боюсь да не в суд будет мне сие делание; людям предлагаю пишу, сам гладен пребываю...».

К счастью, в 1848 г. его ближние ученики Иван Васильевич и Наталья Петровна Киреевские построили ему домик в своих владениях в селе Долбине, куда он мог время от времени уединяться для келейных занятий. Особенно необходимо было ему уединение потому, что он тогда уже интенсивно трудился над изданием рукописей Паисия Величковского.

* * *

Великий старец Паисий Величковский¹ (1722–1794) юношей ушел из Киевской академии сначала в молдавские монастыри, потом на Афон: «из латинской школы в греческий монастырь». На Афоне он поселился вначале в уединенной келье близ монастыря Пантократора. Сюда к нему начали собираться некоторые соотечественники — славяне и молдаване. «И собралось всех двенадцать братии. И начали вычитывать и петь правило в церкви по-славянски и по-молдавски. Оказалась теперь крайняя нужда в иеромонахе и духовнике». С большим трудом братии удалось уговорить отца Паисия взять на себя сей труд. Против воли он покорился, сказав: «Воля Божия да будет!»

Все вместе они переселились в упраздненный и обветшавший скит Св. Пророка Илии того же монастыря Пантократора.

¹ Житие Паисия Величковского в книге «Паисий Величковский. Крины сельные, или Цветы прекрасные». М., 1998.

ра. Они вновь обустроили его, построили церковь, трапезу, пекарню, странноприимницу и шестнадцать келлий.

Интересно, что спустя почти 75 лет после пребывания отца Паисия на Афоне в 1837 г. архимандрит Игнатий Брячанинов получил известие об этом ските. Неизвестный ему иеромонах Аникита (С. А. Ширинский-Шихматов; 1783–1837) в письме, посланном из Афин, писал: «Скит Св. Пророка Илии на Святой Афонской горе основан и построен знаменитым старцем Паисием, бывшим потом игуменом Нямецкого Молдавского монастыря. И теперь еще существует в скиту та самая келлия, в которой он яко настоятель жительствовал и занимался составлением драгоценнейшего для монахов ко внутреннему монашеству руководства, книги Добротолюбия»¹.

Иеромонах Аникита просил содействия Преосвященного Игнатия в построении при ските «небольшого храма особого во имя великого угодника Божия Митрофана Воронежского», а также чтоб «чрез посредство нашего посланника в Царьграде обитель сия извне ограждена была покровительством Турецкого правительства и к чести русского имени пользовалась бы совершенюю свободой от тяжких податей».

Во время пребывания на Афоне Паисий Величковский тщательно изучал греческий язык, древний и новейший, и с великим трудом собирал греческие рукописи творений аскетических писателей, в которых содержалось учение о монашеской жизни вообще, а в особенности о духовном отношении к старцам.

«Путь старческого окормления во все века христианства признавался всеми великими пустынножителями, Отцами и учителями церкви самым надежным и удобнейшим из всех, какие были известны в Христовой Церкви. Старчество процветало в древних Египетских и Палестинских киновиях, впоследствии насаждено на Афоне, а с востока перенесено в Россию. Но в последние века, при всеобщем упадке веры и подвижничества, оно понемногу стало приходить в забвение».

Между тем духовная семья Паисия непрерывно умножалась. Многолюдство братии заставило его в конце концов оставить Святую Гору и вернуться в Молдавию, где спустя некоторое время ему была предоставлена обитель Нямец. Вместе с ним туда переместились многие его ученики. «В непродолжительном времени из Нямецкого монастыря образовалась много-

¹ РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 23.

людная иноческая Лавра, и слава духовной опытности ее настоятеля разносилась повсюду».

Здесь Паисий усердно занялся переводом греческих рукописей на славянский язык с целью их широкого распространения в России. «Им переведены духовно-подвижнические святоотеческие творения, вошедшие в состав обширного сборника, именуемого «Добротолюбием», а также книги преп. Исаака Сирина, преп. Варсонофия и Иоанна, преп. Феодора Студита, Авввы Фалассия и многие другие». Около него образовался большой кружок переписчиков и переводчиков, которые помогали ему в этой работе. Он чрезвычайно строго относился к своим переводам, так что и в следующем, XIX столетии сделанные им переводы святоотеческих книг считались образцами.

Будучи архимандритом молдо-влахийских монастырей, Паисий сочетал свою литературную деятельность с духовным и «умным» деланием, с восстановлением в монастырях забытых заветов монашества, с возрождением старчества. Его ученики, как это видно на примере отца Феодора и отца Афанасия, возвращаясь в Россию (после кончины учителя), как драгоценную память брали с собой копии его рукописей, а также разносили по монастырям возрожденный им образ монашеского жития. Этот «возврат к источникам, — пишет автор книги «Пути русского богословия» прот. Г. Флоровский, — был открытием новых путей, обретением новых кругозоров».

— о в в . з н и д о о в

* * *

Отец Макарий благодаря тому, что его жизненный путь пересекся с путем отца Афанасия, уже с первых дней своего монашества получил возможность «утолять свою духовную алчбу» чтением и переписыванием рукописей, принесенных последним из Нямецкого монастыря. Впоследствии его интерес к святоотеческим творениям возрос и углубился благодаря общению с отцом Леонидом.

По кончине старца у него возникло желание заняться изданием рукописей на общую пользу. В Оптиной к этому времени, при посредстве учеников старцев отца Феодора, отца Леонида и в особенности отца Афанасия, сосредоточились верные копии рукописей Паисия Величковского: а) с исправленных старцем древних славянских переводов писаний Макария Великого, Иоанна Лествичника, св. Варсонофия и Иоанна; б) с переведенных им самим книг: Максима Исповедника, Фе-

одора Студита, жития Григория Синаита, слов Григория Паламы и некоторых других творений святых Отцов-подвижников, а также рукопись «слов великого учителя внутренней жизни св. Исаака Сирина».

Намерение отца Макария издать эти рукописи было сочувствственно принято настоятелем монастыря отцом Моисеем и горячо поддержано И. В. и Н. П. Киреевскими, а также отцом Ф. А. Голубинским¹ и профессором С. П. Шевыревым². Благожелательно отнесся к проекту митрополит Московский Филарет. Из писем Преосвященного Игнатия Брянчанинова, который, можно сказать, жизнь свою посвятил глубокому изучению творений святых Отцов, видно, что и он с энтузиазмом относился к начинанию отца Макария и по мере возможностей старался помочь Оптиной при возникающих трудностях.

* * *

Первое знакомство Преосвященного Игнатия Брянчанинова со старцем Макарием Оптинским произошло еще в 1828 г. в Площанской пустыни, куда смиренный ученик отца Леонида прибыл вместе со своим учителем. Их заочное знакомство продолжилось позже, благодаря переписке архимандрита Игнатия со старцем отцом Леонидом во время пребывания последнего в Оптиной Пустыни.

Так, в письме от 15 сентября 1837 г. архимандрит Игнатий обращается с просьбой к отцу Леониду: «Междус тем осмеливаюсь обеспокоить Вас покорнейшею просьбою. Помнится мне, что в библиотеке Скита есть письменная книга Святого Иоанна Лествичника перевода Старца Паисия. Весьма бы благодарен я был, если б кто взялся списать для меня оную верно: я бы заплатил какие угодно деньги».

Отец Леонид отвечает: «...Во оном же писании вашем изволите вы вспоминать о книге Святого Иоанна Лествичника переводе Молдавского старца Паисия, имеющейся в скитской библиотеке, чтоб списать с оной повернее, доставя к вам; о книге сей узнал я у Отца Игумена, что оная есть, но теперь не находится здесь, а отдана какому-то лицу для прочтения в отдаленное место. Но таковая ж переводу старцева письмен-

¹ Голубинский Федор Александрович (1794–1854) — протоиерей, профессор Московской Духовной академии; в 1826 г. назначен цензором духовных книг. || ² Шевырев Степан Петрович (1806–1864) — профессор Московского университета, историк русской словесности, критик, поэт. В 1840–1850 гг. активно участвовал в изданиях Оптиной Пустыни.

ная имеется у отца Макария площанского, в скиту ныне живущего... предлагаю вам мое мнение: не соблаговолите ли прислать к вам оную книгу, которую рассмотрев... прикажите ее там переписать, а по списании паки к нам доставить». В конце письма отец Макарий приписывает: «Осмеливаюсь и я вашему Высокопреподобию принести мое нижайшее высокопочитание с земным поклонением».

В ответ архимандрит Игнатий пишет 14 октября 1837 г.: «Если Вы делаете мне доверие и располагаетесь прислать мне имеющуюся у Вас книгу для переписки, то с признательностью сие приемлю, тем более, что в обители нашей один из братии постоянно занимается сим рукоделием; по окончании переписки обязываюсь возвратить в должностной целости». А в конце письма пишет: «Ваше Преподобие, Честнейший отец Макарий! Покорнейше благодарю Вас за память о мне, грешном, и за все прежние ко мне милости. Прошу продолжения Вашей отеческой любви и Святых молитв. Потрудитесь засвидетельствовать мое усерднейшее поклонение всей единомудренной братии. Ваш покорнейший послушник Архимандрит Игнатий».

В письме от 14 ноября 1837 г. отец Макарий отвечает: «Имея счастье читать писание Ваше и к моей худости в письмах к батюшке Отцу Леониду за долг поставляю принести вам мою всепокорнейшую благодарность за труд сей и за память Вашу обо мне. С удовольствием исполнил Ваше поручение изъявления братиям нашим вашей об них памяти с поклонением».

По-видимому, эти письма и явились возобновлением их знакомства. Несомненно также, что сближению с Оптиной способствовал и тот факт, что в числе тамошней братии находились старые знакомые отца Игнатия: это, во-первых, друг его молодости, бывший свечник Александро-Невской Лавры отец Иоанникий (в схиме Леонид), любовь во Христе к которому он сохранил на всю жизнь; затем бывшие ученики отца Леонида, прибывшие в Оптину вместе с учителем в 1829 г., — Макарий Грузинов, Диомид Кодратьев, Иван Николаев — их имена неоднократно встречаются в его письмах, и некоторые другие, прибывшие в Оптину позже.

* * *

А среди тех, кто вместе с отцом Макарием подписывал письма, адресованные архимандриту Игнatiю, появляется новое имя — иеросхимонаха Иоанна (Малиновкина, 1763–1849). Потеряв в младенческом возрасте родителей, он воспитывался

у старообрядцев и пребывал в расколе. Однако сомнения о правильности выбранного им пути к спасению все больше овладевали им. Он начал посещать многие православные монастыри, из которых наибольшее впечатление произвела на него Саровская пустыня. «При том же еще, — писал он сам, — достовернейшего ради уверения о святости Православной Церкви, я вдался прилежному чтению Священного Писания и разных, изданных от Святой церкви книг против непокоряющихся ей. Такими путями стал я яко от сна пробуждаться, и в чувство приходить, и признавать совершенное свое старообрядческое заблуждение»¹. Образовав себя сам, он к пятидесяти годам «совершенно присоединился к Святой Церкви». О трудностях, с которыми ему приходилось сталкиваться при издании и распространении своих «книжиц», направленных против раскола, он сам рассказывает архимандриту Игнатию в публикуемом ниже письме.

* * *

Переписка между архимандритом Игнатием и старцем Макарием сразу стала весьма интенсивной. Основная тема писем — издание трудов Паисия Величковского. Можно даже сказать, что отец Макарий — единственный из многочисленных корреспондентов архимандрита Игнатья, с которым он обсуждал вопросы, касающиеся трудов великого старца и его переводов святоотеческих книг на славянский язык.

Письма, как это обычно бывает, позволяют уточнить и дополнить и описания Оптиной Пустыни, и жизнеописания святителя Игнатья. Так, из писем узнаем, что издательская деятельность в Оптиной началась не в 1845 г. (как сказано в книге Л. Кавелина), а раньше. Уже в 1839 г. архимандрит Игнатий помогал советами при издании писем и жития Георгия Затворника Задонского, а 20 августа 1843 г. он спрашивал уже об их втором издании.

Письмо это интересно и тем, что в нем он сообщал об окончании «преложения на Российский язык книги Святая Лествица к особенной моей радости и утешению. По сей причине имею честь при сем препроводить к Вам Словенскую рукопи- ма

¹ Подробнее о нем см.: С. А. Нилус. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., Паломникъ, 2000. С. 37–63. Примечания, относящиеся к другим Оптинским старцам, имена которых встречаются в тексте настоящей статьи и писем, приводятся там, где помещена их переписка со святителем Игнатием.

писную книгу с принесением чувствительнейшей благодарности за одолжение оной и с прошением прощения в долговременном задержании оной». А в конце письма имеется знаменательная приписка: «Благословенная Оптина Пустыня не выходит из моей памяти. Приглянулась она мне, и Скит с его вдохновенною тишиною. Шум сосен, когда ветер начнетходить по их вершинам, для меня приятнее, чем шум разъяренных волн, препирающихся с вихрями...».

Также из писем можно узнать о непосредственных связях архимандрита Игнатия с Нямецким монастырем, о которых не упоминается ни в одном его жизнеописании: «...когда отправил я к Вам прошедшее письмо мое, — пишет он 11 января 1846 г., — то вскоре после оного получил из Нямецкого монастыря копию с собственноручного о умной молитве письма Старца Паисия, которое хранится в тамошней библиотеке. (Нямецкий Отец Архимандрит столько ко мне милостив, что приказал собрать все всевозможные рукописи, из коих многие писаны рукою Старца Паисия, имеющиеся в Нямце, Секуле и ските Ворона, для доставления недостойному и присноунывающему Игнатию; и доколе сие собирание совершается, прислана мне по особенной ревности скорее чем-либо утешить мою грешную душу означенная копия)». Он предоставляет эту копию Оптиной для присовокупления к издаваемому в это время Житию Старца Паисия.

А в письме от 11 июля 1846 г. архимандрит Игнатий сообщает: «Около сего времени я получил из Нямецкой обители несколько рукописей, между прочим книгу Св. Григория Синаита, которая гораздо полнее напечатанной в Добротолюбии, и с житием Преподобного; написана книга сия рукою Схиеромонаха Николая, жившего с о. Феодоритом в Скиту Поляна Ворона. Нямецкие Старцы пишут, что у них прежде было много рукописей, но большая часть из них погорела при случившихся в монастыре пожарах. Таким образом много из трудов Старца Паисия погибло».

Неоднократно в письмах архимандрит Игнатий подчеркивает значение трудов Паисия Величковского. Так, в письме от 26 декабря 1845 г. он пишет: «Благодарю Вас за назначение для меня ста экземпляров вновь издаваемой Вами книжки [Житие старца Паисия Величковского]. Она по нынешнему времени может быть особенно полезна. Из жизни Старца Паисия видно, что в нынешние времена, по крайнему оскудению Старцев, долж-

но с особенной тщательностью исследовать Отеческие деятельные писания и ими руководствоваться за неимением духоносных Старцев, что уже и Преподобный Нил Сорский советует». Или в письме от 30 апреля 1853 г.: «Я совершенно согласен с Вами, что для монашества, которое живет по книгам святых Отцов, необходим точный перевод с подлинников посредством лица, вполне знающего монашескую жизнь. Таковым лицем без сомнения был Старец Паисий».

И в письме от 8 апреля 1858 г., уже будучи епископом Кавказским и Черноморским, повторяя мысль об «оскудении опытных в монашеской жизни наставников», он советует: «По мнению моему, книгу Пр^{<сподобного>} Исаии лучше бы перевести с Славянского, присматриваясь к Латинскому для объяснения мест, которые темны на Латинском. Славянский перевод с Греческого отеческих книг, сделанный Старцем Паисием, несравненно точнее выражает мысль авторов, нежели перевод Латинский».

В 40-х – 50-х годах XIX в. издание духовных книг на славянском и русском языках встречало определенные препятствия (об этом см. прот. Г. Флоровский «Пути русского богословия»). Архимандрит Игнатий часто, используя свое положение, брал на себя ходатайство о разрешении на печатание оптинских книг то у цензора, то в Святейшем Синоде или у Митрополитов Московского и Санкт-Петербургского. И иногда даже почерк, каким написано письмо, выражал его радость в связи с полученным разрешением, как это имело место в коротенькой записке от 26 февраля 1856 г.: «Испрашивая Ваше благословение на прохождение Святая Четыредесятницы, имею честь уведомить Вас, что сегодня я получил из Св. Синода уведомление о том, что Св. Синодом дано на днях разрешение Московской Цензуре о напечатании рукописи Житие Симеона Нового Богослова».

При этом архимандрит Игнатий неизменно отмечал благожелательное отношение к оптинским трудам Московского Митрополита Филарета: «Сообразно тому, как Вы изволите писать, Высокопреосвященный Митрополит Московский Филарет благоволил написать мне, что он желает напечатания книги преподобного Исаака Сирского. Все монашество Российской обязано благодарности этому Архиастырю за издание Отеческих книг Оптиною Пустынею. Другой на месте его никак бы не решился дать дозволение на такое издание, которое едва ли уже повторится», – писал он 30 апреля 1853 г.

Тем более и сам архимандрит Игнатий постоянно в своих письмах отзыается с энтузиазмом об оптинских трудах: 26 декабря 1845 г.: «Напечатанное в третьей части писем Затворника Георгия предисловие на книгу Пр^{<еподобного>} Григория Синаита приносит многим значительную пользу; тем обильнее будет сия польза при издании всех предисловий. За сие Вам — мзда от Господа и благодарность от всех благомыслящих»; 20 июля 1855 г.: «Все Русское монашество обязано особенною благодарностию Оптийской Пустыни за издание многих творений святых Отцов перевода старца Паисия, столь точно передававшего отеческие мысли. И перевод на Русский язык монашеских и отеческих писаний, по знанию монашеской жизни, гораздо удовлетворительнее совершается братьями обители Вашей, нежели перевод их людьми, чуждыми этой жизни»; 1 сентября 1856 г.: «Все монашество Российское должно благодарить Вас и почтенных братий, сотрудников Ваших, за обильную и превосходную духовную трапезу, которую доставляет чтение книги Святого Дорофея» и т. д.

При таком интересе архимандрита Игнатия Брянчанинова к трудам старца Макария и оптинских братий удивительно, что, за исключением известия о переводе на русский язык книги Святая Лествица в одном из первых писем, он никогда не писал о своих литературных занятиях, которые уже с раннего возраста составляли важную часть его деятельности.

Еще в 1828 г., будучи простым послушником, находясь с отцом Леонидом в Александро-Свирском монастыре, он написал небольшую прозаическую поэму «Древо зимою пред окнами келлии». В следующем году, в Площанской пустыни он написал поэтическое «Воззвание к моей келье, а с нею вместе и ко всему видимому миру» и там же, по благословению старца Леонида и по его рассказам, начал писать «Жизнеописание схимонаха Феодора».

О публикации этого «Жизнеописания» в доработанном виде старец отец Леонид сообщал в 1839 г. архимандриту Игнатию: «Зная ваше усердие и любовь к Достоблаженному Старцу нашему батюшке отцу Феодору, и какой труд вы полагали в описании жития Его, обязанностию считаю представить вам напечатанных жизни и подвигов Его пять экземпляров. Во многом сделана перемена, а некоторые материи цензура не согласилась утвердить к напечатанию по правилам ее. Но мы хотя и тем доволыны, что не останется совсем в забвении жизнь

праведника, заслужившего, несомненно, от Бога вечную награду, и будет для нас, любящих и почитающих его, утешением вспоминать Его и Боголюбезные труды Его».

Зная о его литературных занятиях, друзья его иногда обращались к нему с просьбой написать что-либо для них: «Желаете, чтобы написал я что-либо росписью? — писал он одному из них в 1830 г. — Отказать не хочу, не смею, не должен! Притом и своего бы сочинения? И на сие дерзну ради дружбы с помощью Божией». И продолжил в одном из последующих писем: «Представьте себе, что по отъезде вашем Сочинение у меня полилось, и если б знал я, что вы в Вологде, то оно уже было бы у вас в руках. Вышло количеством листков с главы Феогноста. Получив оное, не судите о нем по наружности, но по чувству, которое должно явиться у вас по прочтении оного: ибо наружность его несколько сурова, а содержание исполнено Милосердия¹. Может быть, речь шла о «Плаче инока», написанном как раз в это время?

Уже в эти годы в глазах друзей он выглядел как бы литературным авторитетом: «...препровождаю к Вам тетрадки Ваши, о коих извольте услышать следующее, — писал он в 1833 г. — ...Буди Вам известно, что Житие о. Феофана мною довольно тщательно переправлено, и как Вам угодно, но поостерегитесь хорошее заменить посредственным. Знайте, что его Нравоучение, в Житии помещенное прибавкою, мною сделаною, такой получило вид, что для людей, имеющих вкус и знание, кажется весьма связным простым и сильным отрывком. Сие нравоучение вместе с описанием его нравственности и кончины составляют всю красоту сего жизнеописания. Ограда же, ризница, аудиенции и проч. суть предметы наименее занимательные в жизни человека, прославившегося возвышенной нравственностью, смирением и презрением всего суетного...»².

В годы пребывания в Сергиевой пустыни архимандрит Игнатьй интенсивно трудился над важнейшими своими произведениями — «Аскетическими опытами» и «Словом о смерти», создавал «Отечник». Возвратом к живым источникам отеческого богословия называли его труды историки русской церковной мысли.

А автор книги «Пути русского богословия» прот. Г. Флоровский писал: «К старым и переводным книгам присоединя-

¹ РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 10. || ² Там же.

лись новые и самостоятельные опыты. Прежде всего нужно назвать епископа Игнатия Брянчанинова (1807–1867)... Это был очень строгий ревнитель аскетической традиции. Он тоже примыкает к традиции старца Паисия, через учеников известного о. Леонида, впоследствии Оптинского старца. «Аскетические опыты» епископа Игнатия Брянчанинова написаны с большим вдохновением и очень выразительны. Начертывается идеал духовной трезвости, с особым предостережением против мечтательности. Но аскетическое приготовление, смиление и самоотречение не заслоняет таинственной цели всего пути: стяжание мира Христова, встреча с Небесным Странником и Гостем ищущих душ».

Тем не менее в письмах архимандрита Игнатия отцу Макарию нет и намека на то, чтобы он посыпал в Оптину свои труды. Вообще создается впечатление, что тема писем раз и навсегда определена и другие темы в них почти не вторгаются. Например, о сопреживании архимандритом Игнатием перипетий Крымской и Кавказской войн можно судить по его письмам П. С. Нахимову и особенно Н. Н. Муравьеву-Карскому¹. Старец Макарий тоже был «патриот в душе» и в событиях войны принимал «самое страдательное участие». Однако в их переписке эта тема прозвучала только два раза: 20 июля 1855 г. архимандрит Игнатий рассказывает об уходе англо-французского флота от Кронштадта, а 17 сентября этого же года он пишет: «Молитесь милосердному Господу, чтоб помог нашему любезному отечеству против врагов его. Испания присоединилась к Англии и Франции для действий против России; да имеются еще и другие державы, нам недоброжелательствующие».

И только с 1855 г. в письмах появляется новая тема. На протяжении всех лет служения в Сергиевой пустыни архимандрита Игнатия преследовала мысль «оставить многосуетную... настоятельскую должность и сколько-нибудь подготовиться покаянием в согрешениях к переходу в будущую жизнь». В конце 1855 г. он снова начал хлопотать об увольнении и одновременно начал переговоры о своем перемещении в «благословенную Оптину Пустынь». «Соображая потребность души моей и моего тела, я избрал [Оптинский] скит местом для окончания дней моих в безмолвии», — писал он брату Петру Александровичу.

¹ О нем см.: Свт. Игнатий Брянчанинов. Будущее России в руках Божественного Промысла. М., 1998 г.; также т. V настоящего издания.

Он даже начал переговоры о строительстве новых келлий, где было бы удобно поместиться не только ему, но и его другу Михаилу Чихачеву и его келейнику Иоанну. 14 января 1856 г. он писал отцу Макарию: «Прошу Ваших Святых молитв, чтоб милосердый Господь даровал и мне исторгнуться из челюстей мира и присоединиться к Вашему Богоспасаемому Стаду, если есть на то Его Святая Воля». В мае этого же года, получив отпуск, он отправился в путь, чтобы «соглядать собственными очами Оптина Пустынь, которая в настоящее время есть, бесспорно, лучший монастырь в России, особенно Скит ее».

О своих впечатлениях архимандрит Игнатий подробно писал Н. Н. Муравьеву-Карскому в письме от 12 июня 1856 г.: «Оптина Пустынь есть один из многолюднейших Российских монастырей по количеству братии и, конечно, первый монастырь в России по нравственному качеству братии; особенно это достоинство принадлежит Скиту ее, в котором живет много дворян. Некоторые из них очень образованы, знакомы с новейшими и древнейшими языками, занимаются духовною литературою, преимущественно же переводами самых глубоких сочинений святых Отцов.

Духовным назиданием братства занимается, так именуемый Старец их, иеромонах Макарий, 68-ми лет, из дворян, с юности монах, обогащенный духовным чтением и духовными опытами, он живет в Ските, ему обязана Оптина Пустынь своим нравственным благосостоянием. Много монахов из других монастырей, много монахинь, множество мирских людей, удрученных скорбями и нуждающихся в наставлении, стекается в Оптина Пустыню к Отцу Макарию за спасительным советом и словом утешения. Его непринужденность, простота, откровенность со всем противоположны той натянутой и жесткой святости, за которую ухаживают различные Графини и Княгини.

Скитская семья иноков подобна, в религиозном отношении, корням дерева, трудящимся в мраке неизвестности и добывающим, однако, для дерева необходимые жизненные соки. На заглавных листах трудов скитян нет имени автора; оно заменено скромною строкою: издание Оптина Пустыни. В самом монастыре устав общежительный, то есть общая трапеза, общая одежда, общая библиотека, церковная служба ежедневная и продолжительная, общие и специальные труды. В Ските служба церковная отправляется дважды в неделю, в субботу и

воскресение; в прочие дни недели производится денно-нощное чтение псалтыри братию поочередно; трудятся братия по келлиям, но труды их преимущественно умственны. Женскому полу воспрещен вход в Скит; да и из Скитской братии кто нуждается выдти из Скита, каждый раз должен просить на то благословения у Старца; монастырской братии предоставлен вход в Скит во всякое время дня для удовлетворения их духовных нужд. Трапеза в Скиту самая постная.

Из этого описания Вы можете видеть, как близок мне Скит! Тщательное чтение и изучение самых глубоких Писаний святых Отцов привело меня в монастырь, поддерживало, питало в нем. В Скиту я нахожу свой род занятий, свой род мыслей; в Скиту я вижу людей, живущих в точном смысле для человечества в духовном, высоком его назначении; вижу людей, с которыми могу делиться мыслями, ощущениями, пред которыми могу изливать свою душу.

Начальник Оптины Пустыни и главные иноки оной знакомы со мною около 30-ти лет; а с о. Макарием я нахожусь, смею сказать, в самых дружеских отношениях. Наконец — здешний климат благодетелен для моего здоровья. Все причины, вне и внутри меня соединяются для того, чтобы заставить меня употребить все усилия к перемещению моему в Скит. Чтобы хотя конец моей жизни провести на правах человека и для человечества в духовном и обширном смысле этого слова. — Напротив того, все причины, внутри и вне меня, заставляют меня употребить все усилия, чтобы вырваться из Петербурга и Сергиевой Пустыни¹.

Пребывание архимандрита Игнатия в Оптиной Пустыни оставило след в оптинских хрониках: «26 мая 1856 г. Во время благовеста к вечерне прибыл в Обитель Архимандрит Троицко-Сергиевой, что близ Стрельны, Пустыни о. Игнатий Брянчанинов, намеревается погостить в Обители до 20-го июня и пользоваться минеральною водою из Пафнутьева колодца, которую доктор его по разложении признал полезною от геморроя, золотухи и ревматизма.

Приятно встретились с ним Старцы наши: Батюшка о. Макарий у перевоза, а о. Архимандрит на монастырском дворе у Церкви. Поместился в Монастыре, в Корпусе, занимаемом

¹ Свт. Игнатий Брянчанинов. Будущее России в руках Божественного Промысла. С. 29–31; также т. V настоящего издания.

о. Игуменом Антонием. Привез Старцам в подарок на ряски камлota, похожего видом на мухояр.

31 мая 1856 г. Старцы наши и о. Ювеналий Половцев с приезжим о. Архимандритом ездили на обед в Козельск к Почетному Гражданину Дмитрию Брюзгину.

22 июня 1856 г. Поутру в 9 часов проводили в обратный путь нашего гостя о. Архимандрита Игнатия. О. Архимандрит поехал с ним до Калуги, дабы вместе быть у Преосвященного¹ и изложить пред ним просьбу о. Игнатия о построении для него в Скиту корпуса келлий, а Старцы — о. Игумен Антоний и Батюшка о. Макарий — провожали его до Прысковской церкви и, по взаимном пожелании всего благого, возвратились домой. В Калуге Пр~~еосвященный~~ Григорий принял просьбу о. Архимандрита Игнатия холодно и с возражениями, что Скит не для этого основан и т. п. Что воспоследствует из сего — неизвестно»².

В другом варианте летописи за 22 июня 1856 г. записано следующее: «В 5 часов утра от нас отправились в Калугу к Преосвященному Григорию отец Архимандрит Игнатий Брянчанинов, гостивший в нашей обители с 26-го мая, и с ним настоятель наш о. Архимандрит Моисей. Добрую оставил по себе у нас память Архимандрит Игнатий: смиренный муж и духовный. Из многих духовных бесед его с нашими старцами записываю от многоного малое, но, на мой взгляд, глубоко знаменательное: «В ямщицком селе Тосне, под Петербургом, в 1817 г. произошел такой случай, о котором, — так сказывал о. Игнатий, — я узнал со слов лица, заслуживающего всякого доверия. В этом селе жил богообязненный ямщик Феодор Казакин, женатый, но бездетный, неграмотный, кроткий и поведения во всех отношениях примерного. Был он уже человек лет пожилых, к себе внимательный, не только на выдумку, но и на какую-либо неправду, по простодушию своему, неспособный. Занимаясь кузнецким мастерством, он сам для дела своего выжигал уголья в лесу, версты за три от села, на правом берегу реки Тосны, в местности, называемой Дубок. Однажды Казакин работал один около своей угольной ямы и внезапно, среди бела дня, увидел множество бесов в образе людей обоего пола. Бесы в странных одеждах и в колпаках сидели на высоких деревьях, играли на каких-то невиданных музыкальных инструментах и привевали:

¹ Преосвященный Григорий — Архиепископ Калужский и Боровский (в миру Николай Васильевич Митькович, 1807–1881). || ² РГБ ОР. Ф. 214. К. 359.

— Наши годы! наша воля!

Они и еще что-то пели, но Казакин с испугу не мог вслушаться. Казакин стал креститься и молиться, но видение не исчезало. Страшно испуганный Казакин бросился бежать домой. Дорога к дому шла по берегу

у реки, а на берегу росли большие развесистые березы. И на всех березах этих во множестве сидели бесы, играли на инструментах и с торжеством бесчинно припевали:

— Наши годы — наша воля! Наши годы — наша воля!..

С версту от места работы, где впервые увидел Казакин бесов, он их увидел в третий раз: они сидели на деревьях и пели ту же песню:

— Наши годы — наша воля!

До полусмерти испуганный Казакин добежал до села, от которого его отделяла река, и, пока ему подавали с другой стороны реки плот для переправы, он присел отдохнуть и в это время увидел страшного змия, который явился у ног его и хотел уязвить; но Казакин отскочил от змия».

Отец Архимандрит слышал этот рассказ от причетника села Тосны, Ивана Андреева, принявшего монашество в Сергиевой пустыни, где настоятельствует теперь сам Архимандрит Игнатий.

Сказывал нам о. Архимандрит Игнатий еще и о благодатных видениях Валаамского схимника Кириака. Боже мой, Боже мой! От чего, от какой благодати и истины отпадает бедная несчастная, израненная духовным врагом своим, святая моя Родина!»¹.

О результатах переговоров у Преосвященного Григория архимандрит Игнатий сообщал старцу Макарию в письмах от 20 июля и 7 августа 1856 г. А брату в письме от 13 августа он написал: «Несмотря на мое желание остаться в Оптиной Пустыне, я не сошелся с настоятелем ея, и потому время моего удаления из Сергиевской отсрочилось на неограниченное время. Отдаюсь на волю Божию. Приходится жить иначе, нежели как рассуждается жить. Такова участь не одного меня. По человеческому суждению общество Скита Оптинского и духовник, отец Макарий — лучшее, чего бы можно было желать по настоящему состоянию христианства и монашества в России; но Промысл Божий, руководящий нашей участию, мудрее суждения человеческого»².

¹ См.: Нилус С. А. Святыня под спудом // ПСС. Т. З. М., Паломникъ, 2000. С. 214–215. || ² См. также приведенное ниже письмо отцу Ювеналию Половцеву от 26 декабря 1855 г.

История с несостоявшимся переходом не отразилась на отношениях архимандрита Игнатия с Оптиною Пустынью. Из писем от 20 июля 1856 г. и по 28 января 1857 г. видно, с какой «ревностию» хлонотал он о доставлении Скиту дополнительного штата, а также, по собственной инициативе, о «предоставлении Оптиною Пустыне двух десятин земли, прилегающей к восточной ограде Скита».

Только раз упоминает он о происшедшем, когда делает одному из братии Оптины драгоценный подарок: «29-го Января посетил нас о. Ювеналий на обратном пути своем в Оптину, — писал он отцу Макарию 5 февраля 1857 г. — Я ему вручил один том из Голландской библиотеки, в котором находятся сочинения Пр^{<еподобного>} Марка Подвижника на Греческом и Латинском — на подержание. После укорила меня совесть, сказав: “Где же бескорыстная любовь? когда ты собирался на жительство в Скит, то и книги свои хотел отдать для общей пользы; а когда дело помещения не состоялось, то ты жалеешь книг и они стоят у тебя бесплодно в шкафе”. Почему и передал о. Ювеналию, что и прочие 13-ть томов я перешлю к нему».

О мотивах этого подарка он написал 13 апреля этого же года: «Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим Праздником и вместе с тем искреннейшую признательность за поздравление Ваше в драгоценном для меня письме Вашем от 30-го Марта, так как и все письма Ваши для меня драгоценны, и при одном зрении почерка Вашего, прежде чтения самого письма уже чувствую в грешной душе моей утешение. Желая, чтобы мысленное сребро — библиотека Св. Отцов, собранная Голландом, не лежала под спудом, но давала лихву богоприятную, обращаясь между людьми, способными заниматься ею, я рассудил лучше отдать это сребро на руки человеку, нежели приковать его к какому-либо месту, в коем оно очень легко может попасть под спуд — в шкаф, и сделаться там пищею моли и мышей, без всякой пользы для людей. Было время, когда Белые берега обиловали благонамеренными иночами, были времена, когда обиловала ими Пестуша, обиловала ими в свое время Площанская Пустынь; теперь наступило время цвета для Оптиною; время цвета пройдет своей чередой — процветут другие места — также на свое время; почему приковать книгу к месту я счел менее надежным, нежели поручить ее человеку. Надеюсь, что о. Ювеналий, попользовавшись ею, и попользуя ею Христианство, когда достигнет седин

и изнеможения, то поручит се благонадежному ионку, который опять будет держать в обороте мысленное сребро».

27 октября 1857 г. архимандрит Игнатий Брянчанинов был хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского с кафедрой в г. Ставрополе. В письме, написанном 20 ноября 1857 г. пред отъездом к месту назначения, епископ Игнатий снова возвращается к издательским трудам отца Макария и просит: «Если эти книги будут напечатаны, то не откажитесь прислать и мне». «Спаси Вас, Господи, — отвечает отец Макарий, — что и еще изволили удостоить меня получить Ваше Архиастырское и Отеческое писание от 20 числа Ноября, из коего видимо о времени Вашего отъезда из Петербурга, и потому пишу благонадежно в Ставрополь к Вашему Преосвященству». Он сообщает о состоянии дела с напечатанием книг, о которых спрашивал епископ Игнатий, и о предполагаемом продолжении работы по переводу и печатанию книг, несмотря на то что «чувствует часто большую слабость и немощь».

Уже в конце своего пребывания на Кавказской и Черноморской кафедре епископ Игнатий писал своему другу Михаилу Чихачеву: старец Макарий «постоянно переписывался со мною с того времени, как я на Кавказе». Однако от той поры сохранилось только одно письмо от 8 апреля 1858 г., в котором он снова повторяет: «Да подкрепит Вас Милосердый Господь в трудах Ваших по переводу Отеческих книг. Издавая эти книги, Вы оказываете несказанное благодеяние российскому монашеству и Христианству».

Всего за годы издательской деятельности старца Макария было выпущено в свет 16 книг, из них 10 на славянском языке, 1 — на славянском и русском и 5 на русском языке. Самым драгоценным изданием, пишет жизнеописатель старца Макария Леонид Кавелин¹, было «Св. Отца нашего Исаака Сирина

¹ Отец Леонид (в миру Лев Александрович Кавелин, 1822–1891) — церковный историк, археолог, писатель (опубликовал около 300 работ, в числе которых сотни документов и памятников духовной письменности). С 1840 по 1852 г. служил в лейб-гвардии Волынском полку. Часто бывал в Оптиной Пустыни. В 1847 г. издана его книга «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи». В 1852 г. вышел в отставку и поступил на жительство в скит Оптиной Пустыни. 7 сентября 1857 г. пострижен в монашество. В 1857–1859 гг. служил в Русской духовной миссии в Иерусалиме, в 1865–1869 гг. был настоятелем русской иносольской церкви в Константинополе. Последние 14 лет жизни был наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Автор жизнеописания старца Макария (Иванова).

епископа Нищевийского слова духовноподвижнические, переведены с греческого старцем Паисием Величковским. Напечатаны на славянском наречии, снабжены подстрочными примечаниями и алфавитным указателем», составленным старцем Макарием.

...21 сентября 1860 г. Преосвященный Игнатий писал архимандриту Оптиной Пустыни отцу Моисею: «Хотя письмо Ваше принесло мне самую печальную весть, но искреннейше благодарю Вас за уведомление о опасной болезни, постигшей достопочтеннейшего Старца, отца Макария. По получении сего известия я немедленно распорядился, чтоб в моей крестовой церкви ежедневно молились о его выздоровлении. Понимаю, в какое огорчение должно повергнуться братство, руководствовавшееся советами старца, при представшей внезапно опасности лишиться его; понимаю и огорчение Вашего Высокопреподобия. Сердечноучаствую в этой печали и молю милосердого Господа, чтоб продлил земные дни болящего для пользы и утешения многих».

Скончался старец Макарий (Иванов) 7 сентября 1860 г. «Ваше Высокопреподобие, Высокопреподобнейший о. Архимандрит! — писал Преосвященный Игнатий отцу Моисею 23 сентября 1860 г. — Сегодня получил я письмо Ваше с известием о кончине достоуважаемого иеросхимонаха о. Макария, и распорядился, чтоб в обеих церквях Кавказского Архиерейского Дома совершалось сорокадневное поминование почившего Старца. Воля Божия да будет! но нельзя не пожалеть о отществии из среды нас Отца, доставлявшего многим пользу и утешение. Понимаю скорбь Вашу и вполне сочувствую ей.

Затем: Желая Вам всех истинных благ и утешения от Господа в постигшей Вас и Обитель печали, имею честь поручить себя Вашим Святым Молитвам и с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугой. Игнатий Епископ Кавказский».

А 15 ноября 1860 г. он писал Михаилу Чихачеву: «О. Архимандрит Моисей известил меня о кончине старца иеромонаха Макария и просил брошюру сочинений о. Леонида Кавелина. Оптине лишилась души своей. О. Макарий, хотя и был наиболее телесным исполнителем заповедей, но имел любовь к ближнему и ею поддерживалось братство. Он незаменим по моему мнению и взгляду! Оставшиеся слишком телесные делатели... Оскудело монашество и еще более должно оскудеть».

Также и брату Петру Александровичу Брянчанинову — 22 ноября 1860 г.: «Судьбы Божии непостижимы, но по человеческому суждению нельзя довольно не пожалеть о кончине о. Макария Оптинского. Этот человек был неоцененное сокровище для христиан, живущих среди мира. Он был приготовлен и предназначен для того служения, которое проходил. Простота и свобода в обращении, любовь и смиление врожденные, образование себя чтением Отеческих книг, повинование искусным старцам дали ему возможность рано сделаться духовником и наставником, а долговременный опыт усовершил его в этом служении... Мой путь был совсем другой: я был часто и подолгу болен, подолгу не выходил из своей кельи, терпел много неприятностей. Все это отделяло меня от общества человеческого и сосредоточивало в себе. Такое душевное положение лишило меня знания человеков. Чем далее иду путем жизни, тем более удаляется от меня это знание, потому что иду очень одиноко...».

Старец иеромонах Макарий прославлен Русской Православной Церковью в 1996 г.

24 июля 1861 г. епископ Игнатий Брянчанинов обратился к Государю Императору с просьбой об увольнении. Просьба его на этот раз была удовлетворена, и 13 октября 1861 г. он прибыл в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии, который был дан ему в управление и который стал его последним земным прибежищем. Через пять дней после прибытия он сообщал брату: «Никогда в жизни моей я не был так доволен моим положением, как доволен им теперь. Кажется, мой Ангел хранитель по велению Божию продиктовал Св. Синоду указ о мне; — так этот указ удовлетворяет требованиям моего душевного настроения и телесного здоровья».

Промысл Божий действительно оказался «мудрее суждения человеческого». Приведя его сюда, он дал ему наконец то, что более всего отвечало его душевным потребностям: «В 1856 г., — писал он М. Чихачеву 10 марта 1862 г., — кажется, я именно для того и возобновил знакомство с Оптинскими, чтоб еще более разойтись с ними... Теперь я в своем кругу!»

Не Оптина с ее многолюдством, а уединенные Бабайки оказались тем местом, к которому он стремился всю свою жизнь.